

Встреча с интересным

человеком

Народный артист РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССРГеоргий Николаевич
ДАНЕЛИЯ

«Сережа», «Я шагаю по Москве», «Афоня», «Не горюй», «Мимино», «Осенний марафон»...

Он снял десять фильмов. Десять неповторимых фильмов. Уже первый его фильм («Сережа» — совместная работа с Таланкиным) получил на XII Международном кинофестивале в Карловых Варах главный приз — «Хрустальный глобус». Уже тогда, 20 лет назад, стало понятно, что в кино пришел не просто талантливый человек, но художник искренний, щедрый.

Сегодня Г. Н. Данелия — признанный не только у нас в стране, но и за рубежом мастер, чьи фильмы с непрекращающим успехом идут на экране.

25 августа Георгию Николаевичу Данелия исполняется 50 лет.

«...И КАЖДЫЙ ФИЛЬМ — КАК ЖИЗНЬ»

— Георгий Николаевич, как вы считаете, вам много лет или мало?

— Считаю, что много. Потому что снял много фильмов, и каждый фильм — как жизнь.

— Вас считают одним из ведущих наших комедиографов...

— (Перебивает). Давайте сразу договоримся: я не комедиограф. Из десяти снятых мной картин лишь одну считаю комедией — «Тридцать три», где я был и автором сценария. Разве «Афоня», например, комедия? Или «Осенний марафон»? Просто я рассказываю о жизни, какой ее вижу. А если смеются... Что ж, значит, смешно. Мне приятно, когда смеются. Хотите более убедительный пример? На «Калине красной» Шукшина три четверти времени показы в зале смеются. А разве «Калина красная» — комедия?

— Скажите, приобщение к кино — это у вас наследственное или вы, как говорится, «сам первый»?

— Очевидно, наследственное. Мама, Мери Ивиановна Анджапаридзе, была кинорежиссером. Ребенком часто бывал на съемках, ездил с мамой в киноэкспедиции. Так что к моменту окончания школы кино достаточно мне надоело, и я поступил в архитектурный институт. После защиты диплома работал в ГИПРОГОРе (Государственный институт по проектированию городов). Но та работа, которую мне поручили, была скучной, непривлекательной. И я решил сменить ее. В это время был набор на Высшие режиссерские курсы при «Мосфильме». Нет, у меня не было конкретного желания снимать кино, просто я стремился к работе более подвижной, связанной с поездками в различные места. В этом смысле меня вполне устраивала работа второго режиссера картины.

Сказал маме, что собираюсь поступить на курсы. Она не советовала, так как считала, что для будущей работы у меня нет никаких талантов. Тем не менее решил попробовать поступить.

Я немножко рисую и для экзаменов сделал несколько раскадровок (в рисунках) по рассказам Чехова и по своим личным жизненным наблюдениям. Из-за этих рисунков меня и приняли, так как отвечал я, по-моему, плохо. А в комиссии были «киты» от кинематографа — Пырьев, Ромм, Райзман, Калатозис, Юткевич, Трауберг, Дзиган... Всего человек пятьдесят. Вошел я в комнату, где заседала комиссия, и в освещении ламп дневного света она показалась мне странно зеленоватой. Помню, на первый вопрос вообще не мог отвечать, и, кажется, Довженко дал мне стакан воды...

— Вы минутой раньше сказали, что, уходя из ГИПРОГОРа, не хотели снимать кино. За 20 лет работы это ощущение, на-деюсь, ушло?

— Не хочу снимать лишь бы снимать. Материал должен зацепить меня, засенить во мне.

— Какой из своих фильмов вы считаете... самым неудачным?

— Конкретный фильм не могу назвать. Каждый раз снимаю и где-то в середине работы мне начинает казаться, что все отснятное — неудача...

— Откуда такое ощущение?

— Иногда приходится идти на компромисс: то, что задумал и как задумал, снять практически невозможно. Заменяешь другим вариантом. Одн раз так происходит, другой... И начинаешь мучиться мыслью, что снимаешь плохо, не то.

— А чем определяется для вас главная трудность работы над фильмом предыдущей работы?

— Когд-то начинал с картины «Сережа» — совместная работа с Таланкиным. С тех пор удача моя изменилась. И, к сожалению, кажды раз хочется надолго за-молкнуть. К следующему фильму — какоже из своих фильмов вы считаете из наиболее удачных?

— Даа фильма: «Не горюй» и «Осенний марафон».

— Я первые снял с картинами, и у меня сложилось впечатление, что вы постоянно работаете с одним и тем же автором...

— вершенно разными авторами. И в этом смысле мне повезло: Панова, Конецкий, Шалапиков, Ежов, Гавриадзе, Токарев, Водянов, все это крупные, сильные

драматурги. Четко обозначились ваши любимицы-актеры — Левонов, на-

девать, вам в этой связи упрек:

в ваших фильмах нет актерских дебютов, снимаются, в основном, известные актеры.

— Я с вами не согласен. В моей курсовой работе впервые снялись Евгений Евстигнеев и Галина Волчек. В дипломной — Лев Дуров. «Я шагаю по Москве» — дебюты Стеблова, Михалкова, Мирошниченко, Чуриковой. В этой же картине впервые появился на экране режиссер Владимир Басов. «Не горюй» — дебют Кикабидзе. Первую свою крупную роль в кино Евгения Симонова сыграла в «Афоне».

— И еще об актерах. Случалось ли вам снимать тех из них, кого вы и не подозревали, не видели в своих фильмах?

— Приведу два примера. Идеальный Афоня я считал... молодого Алейникова. О Куравлеве и не думал. Но идеал идеалом, а снимать-то кого-то надо было. Утвердили Куравлеву. И сейчас я просто не представляю себе какого-либо другого актера в этой роли. Мой постоянный ассистент Елена Судакова предложила мне попробовать на роль Бузыкина в «Осенний марафоне» ленинградца Олега Василевского. Я долго не соглашался: Бузыкина видел совершенно иным. Но Лена настояла на кинопробе, после которой убедился: прав мой ассистент, а не я. И так же, как и в случае с Куравлевым, не представляю себе сейчас другого актера в этой роли.

— Георгий Николаевич, ваши фильмы завоевали много призов на международных и всесоюзных кинофестивалях. Сколько же всего?

— Я недавно сам полюбопытствовал. Насчитал сорок два.

— Сорок два приза... за десять фильмов? Возможно ли это?

— Давайте возьмем для примера один из них, «Осенний марафон». В Венеции — два приза прессы (официальных призов на фестивале не было): первый — за лучший фильм фестиваля, второй — за лучшее исполнение мужской роли. На фестивале в Сан-Себастьяне — Главный приз «Золотая раковина». На фестивале комедийных фильмов во французском городе Шамбурси — Главный приз. На фестивале трудящихся в Чехословакии — Главный приз. На Всесоюзном кинофестивале в Душанбе — Главный приз. Это лишь за один фильм.

— Рецензенты, критики часто пишут о присущей вам манере...

— (Перебивает). Теперь вам понятно, как трудно мне делать новый фильм? Каждый раз начинаю и думаю: а это — присущая мне манера? Сам же понял, что не имею о том, что это такое — присущая мне манера.

— Главное — забыть о ней и работать...

— Всего-то? А тогда... где в фильме вы?

— Я — один из рассказчиков. А их много: сценарист, оператор, актеры, художник, композитор, ассистент, монтажер, уставновщик декораций, многие другие — до киномеханика, который непосредственно показывает фильм.

— Скажите, Георгий Николаевич, снимая очередную ленту, вы знаете, какая будет следующей?

— Понятия об этом не имею. Каждый фильм снимаю, как по-следний. Даже не думаю о том, какой будет следующий.

— Но ведь есть, наверное, фильм, сюжет, который мечтаешь снять?

— Мечтаю снять «Хаджи-Мурат», но не знаю, удастся ли...

— Теперь вот о чем. Вы являетесь художественным руководителем объединения комедийных фильмов киностудии «Мосфильм». А как же спать-таки с вашим же утверждением, что вы не комедиограф?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем. Но я не единственный.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.

— Тогда я спрашиваю: как вы сняли «Сережу»?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Отказались. Оставалось Гайдай или отказать или не организовать это объединение. А то, что это объединение не в единстве, но в единстве во всем.</